

УДК 159.9:316.6

Муращенкова Надежда Викторовна, кандидат психологических наук, доцент, департамент психологии, факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва

Сикиотова Диана Борисовна, студентка, департамент психологии, факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПЛАНИРУЕМОЙ ЭМИГРАЦИИ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ СТУДЕНТОВ РОССИИ И УЗБЕКИСТАНА

В статье представлены результаты эмпирического исследования взаимосвязи планируемого эмиграционного поведения и психологического благополучия студенческой молодежи России и Узбекистана. Актуальность исследования обусловлена высоким уровнем эмиграционных настроений среди молодежи и недостаточной изученностью их психологических детерминант, особенно в кросс-культурном контексте. Цель работы — изучить характер и специфику данной взаимосвязи в двух социокультурных средах. В исследовании приняли участие 199 студентов (123 из России и 76 из Узбекистана). Использовались опросник «Планируемое эмиграционное поведение» (Н.В. Муращенкова, В.В. Гриценко, М.Н. Ефременкова), Шкала психологического благополучия Рифф (адаптация Л.В. Жуковской, Е.Г. Трошихиной) и опросник PERMA-Profilер (адаптация О.М. Исаевой, А.Ю. Акимовой, Е.Н. Волковой). Установлено, что узбекистанские студенты демонстрируют значительно более высокий уровень эмиграционных намерений, позитивных аттитюдов и поведенческой активности по подготовке к переезду, чем российские. Обнаружена принципиально разная структура взаимосвязей между эмиграционными намерениями и благополучием в двух

выборках: в российской выборке высокие намерения сопряжены со сниженным психологическим благополучием, тогда как в узбекистанской — с более высоким уровнем самопринятия, позитивных отношений и общего благополучия. Полученные результаты свидетельствуют о том, что универсальной модели соотношения эмиграционных намерений и психологического благополучия не существует, а смысл эмиграционной активности определяется социокультурным контекстом.

Annotation

The article presents the results of an empirical study of the relationship between planned emigration behavior and psychological well-being of students in Russia and Uzbekistan. The relevance of the study is due to the high level of emigration sentiments among young people and the insufficient study of their psychological determinants, especially in a cross-cultural context. The aim of the study is to investigate the nature and specificity of this relationship in two sociocultural environments. The study involved 199 students (123 from Russia and 76 from Uzbekistan). The methods used were the «Planned Emigration Behavior» questionnaire (N.V. Murashchenkova, V.V. Gritsenko, M.N. Efremenkova), the Ryff Psychological Well-Being Scale (adapted by L.V. Zhukovskaya, E.G. Troshikhina), and the PERMA-Profilier questionnaire (adapted by O.M. Isaeva, A.Yu. Akimova, E.N. Volkova). It was found that Uzbek students demonstrate a significantly higher level of emigration intentions, positive attitudes, and behavioral activity in preparing for relocation than Russian students. A fundamentally different structure of relationships between emigration intentions and well-being was found in the two samples: in the Russian sample, high intentions are associated with reduced psychological well-being, while in the Uzbek sample, they are associated with higher levels of self-acceptance, positive relationships, and overall well-being. The results indicate that there is no universal model of the relationship between emigration intentions and psychological well-being, and the meaning of emigration activity is determined by the sociocultural context.

Ключевые слова: планируемое эмиграционное поведение, психологическое благополучие, студенческая молодежь, эмиграционные намерения, кросс-культурное исследование, Россия, Узбекистан.

Keywords: planned emigration behavior, psychological well-being, student youth, emigration intentions, cross-cultural study, Russia, Uzbekistan.

В условиях глобализации и геополитической нестабильности миграционные процессы приобретают особую значимость. Студенческая молодежь, находящаяся в периоде профессионального и личностного самоопределения, является одной из наиболее мобильных групп, демонстрирующей стабильно высокий уровень эмиграционных настроений. Психологические аспекты этого феномена, особенно в кросс-культурном контексте, остаются недостаточно изученными. В частности, открытым остается вопрос о связи планируемого эмиграционного поведения с психологическим благополучием личности. Исследования показывают, что молодые люди с высоким уровнем образования чаще рассматривают эмиграцию как жизненную стратегию, однако характер этой стратегии (является ли она следствием неудовлетворенности или проявлением ресурсности) может различаться в зависимости от социокультурной среды [6; 9].

Целью настоящего исследования является изучение характера и специфики взаимосвязи планируемого эмиграционного поведения и психологического благополучия студенческой молодежи России и Узбекистана. Мы предположили, что: 1) высокий уровень эмиграционных намерений будет отрицательно связан с психологическим благополучием; 2) позитивные аттитюды и высокий воспринимаемый контроль в отношении эмиграции будут положительно связаны с благополучием; 3) существуют значимые различия в показателях благополучия и эмиграционных намерений между студентами двух стран.

Исследование проводилось онлайн на выборке из 199 студентов: 123 из России и 76 из Узбекистана (средний возраст 23,28 года). В российской выборке преобладали женщины (74%), в узбекистанской их доля была еще выше (92,1%), что учтено при интерпретации нормативных данных. Для сбора данных использовались три методики: опросник «Планируемое эмиграционное поведение» [6], Шкала психологического благополучия Рифф [2; 11] и опросник PERMA-Profiler [4]. Статистический анализ проводился с использованием непараметрических критериев (U-Манна-Уитни, г-Спирмена).

Результаты сравнительного анализа показали, что узбекистанские студенты статистически значимо превосходят российских по выраженности эмиграционных намерений ($U = 3421,0$, $p = 0,001$), активности в их реализации ($U = 3110,0$, $p < 0,001$), позитивным аттитюдам ($U = 3884,5$, $p = 0,045$) и воспринимаемым социальным нормам ($U = 3452,0$, $p = 0,002$). Единственная шкала, по которой группы не различались, — воспринимаемый поведенческий контроль ($p = 0,124$), то есть субъективная уверенность в возможности осуществить переезд оказалась схожей в обеих группах.

Анализ различий в психологическом благополучии выявил неоднородную картину. Российские студенты показали более высокий уровень по шкалам «Личностный рост» ($p < 0,001$) и «Позитивные отношения» ($p = 0,003$) методики Рифф, тогда как узбекистанские студенты — по шкалам «Компетентность» ($p = 0,039$), «Позитивные эмоции» ($p = 0,012$) и «Счастье» ($p = 0,027$) (PERMA-Profiler). Общий показатель психологического благополучия по Рифф оказался на границе значимости ($p = 0,050$) в пользу российской выборки.

Ключевым результатом исследования стала противоположная направленность корреляционных связей между эмиграционными намерениями и психологическим благополучием в двух группах. В российской выборке намерение уехать отрицательно коррелировало с самопринятием ($r_s = -0,260$, $p = 0,004$), позитивными эмоциями ($r_s = -0,229$, p

= 0,011) и общим баллом PERMA ($r_s = -0,347$, $p < 0,001$). Аналогичная картина наблюдалась для поведенческой активности по подготовке к переезду. Это позволяет предположить, что в российской студенческой среде эмиграционная ориентация часто служит реакцией на психологическое неблагополучие, дефицит самопринятия и неудовлетворенность текущей жизнью.

В узбекистанской выборке была выявлена противоположная, положительная связь. Эмиграционное намерение положительно коррелировало с позитивными отношениями по Рифф ($r_s = 0,762$, $p < 0,001$), самопринятием ($r_s = 0,416$, $p < 0,001$) и общим показателем благополучия по Рифф ($r_s = 0,695$, $p < 0,001$). Таким образом, в этом контексте стремление к эмиграции сопряжено с более высоким уровнем психологической ресурсности и является не «побегом», а частью осмысленного жизненного проекта.

Полученные данные согласуются с моделью И. Айзена [1] и теоретическими представлениями о процессуальном характере эмиграции [5; 12]. Однако, самое важное — они эмпирически подтверждают, что универсальной модели связи между эмиграционными намерениями и благополучием не существует. Как отмечает Д.А. Леонтьев, разграничение между «дефицитарным» и «бытийным» счастьем позволяет объяснить, почему в одном контексте переезд воспринимается как способ компенсации неудовлетворенности, а в другом — как проявление личностного роста и стремления к самореализации [3]. Инверсия корреляционных матриц в наших данных — самый нетривиальный результат, указывающий на то, что психологический смысл эмиграции определяется социокультурной рамкой, в которой существует человек [8].

Результаты исследования имеют практическое значение для психологического сопровождения студенческой молодежи. Они показывают, что одинаковое внешнее поведение (высокое эмиграционное намерение) может иметь принципиально разную психологическую природу. Для российских студентов с высокими намерениями фокус работы должен быть смещен на исследование причин неудовлетворенности и работу с

самопринятием. Для узбекистанских студентов, чьи планы встроены в ресурсный контекст, поддержка может заключаться в прояснении ценностей, укреплении автономии и помощи в принятии решений в условиях амбивалентности [7; 10]. Таким образом, необходимым условием эффективного психологического сопровождения является дифференцированный подход с учетом культурного контекста и индивидуального профиля студента.

Литература

1. Ajzen I. The theory of planned behavior // *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. – 1991. – № 2. – P. 179–211.
2. Жуковская Л.В., Трошихина Е.Г. Шкала психологического благополучия К. Рифф // *Психологический журнал*. – 2011. – Т. 32, № 2. – С. 82–93.
3. Леонтьев Д.А. Счастье и субъективное благополучие: к конструированию понятийного поля // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. – 2020. – № 1. – С. 14–37.
4. Исаева О.М., Акимова А.Ю., Волкова Е.Н. Опросник благополучия PERMA-Profiler: апробация русскоязычной версии // *Социальная психология и общество*. – 2022. – Т. 13, № 3. – С. 116–133.
5. Carling J., Schewel K. Revisiting Aspiration and Ability in International Migration // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. – 2018. – № 6. – P. 945–963.
6. Муращенкова Н.В., Гриценко В.В., Ефременкова М.Н. Социально-психологическое пространство эмиграционных намерений студенческой молодежи: кросс-культурный анализ. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2023. 304 с.
7. Boccagni P., Baldassar L. Emotions on the move: Mapping the emergent field of emotion and migration // *Emotion, Space and Society*. 2015. Vol. 16. P. 73-80.

8. Шварц Ш., Бутенко Т.П., Седова Д.С., Липатова А.С. Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2012. – Т. 9, № 1. – С. 43–70.
9. Tartakovsky E., Schwartz S.H. Motivation for emigration, values, wellbeing, and identification among young Russian Jews // International Journal of Psychology. – 2001. – № 2. – P. 88–99.
10. Tabor A.S., Milfont T.L. Migration change model: Exploring the process of migration on a psychological level // International Journal of Intercultural Relations. – 2011. – № 6. – P. 818–832.
11. Ryff C.D. Happiness is Everything, Or is It? Explorations on the Meaning of Psychological Well-Being // Journal of Personality and Social Psychology. – 1989. – № 6. – P. 1069–1081.
12. Kley S. Facilitators and constraints at each stage of the migration decision process // Population Studies. 2017. Vol. 71, № 1. P. 35-49.